

Мы надеемся, что публикация материалов этого круглого стола внесет актуальный вклад в системное исследование сложных проблем общественно-политической трансформации социума, страны, государства, в частности связанных с фактором войны, а также будет способствовать общественному запросу на исследования отечественной социологии в качестве объективного экспертного знания.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО,
доктор социологических наук, член редколлегии журнала

UDC 519.8

MIKHAIL A. ALEXSEEV,
San Diego State University

War and Support for Democracy: The Asymmetry of Direct Exposure and Socialisation Effects

Abstract

Addressing theoretical debates and conflicting empirical findings on whether and how individual-level war exposure may affect political orientations, the study statistically tests the relationship between different types of exposure to the ongoing Donbas war among residents of Ukraine and their support for democracy and authoritarianism, as well as for their country's membership in the EU and NATO vs. the Russia-Belarus union. Using the 2016 Ukrainian public opinion survey conducted by the Institute of Sociology of Ukraine's National Academy of Sciences (N=1,802), the analysis shows that controversies in the literature are explained, in part, if a distinction is drawn between war exposure that is direct (experienced personally) and indirect (experienced through socialisation). Multiple regression analysis – controlling for differences in region, language, ethnic self-identification, gender, religion and other socio-demographic variables – reveals robust non-random but asymmetric effects of war exposure on political orientations. Direct war exposure weakens support for democracy while socialised war exposure strengthens it. Both exposure types strengthen Euro-Atlantic geopolitical orientations. The Russian news media use weakens those orientations and reduces support for democracy.

Keywords: war, democracy, authoritarianism, conflict, Ukraine, NATO, EU, Russia, Donbas, surveys

Research Question and Significance

It is argued that wars reoccur once they break out because they undermine democratic governance within affected states — a pervasive condition known as “the conflict trap” [Collier et al., 2003; Collier, 2007]. Yet, existing studies disagree on the crucial behavioural micro-foundations: Why does exposure to war violence increase support for democratic governance among some individuals, but reduce it among others? The underlying debates speak to mainstream social-psychological theories. On the one hand, findings of war exposure fostering political intolerance and authoritarianism [Dyrstad, 2013; Hutchison, 2014] are consistent with arguments that war-induced stress and trauma harden antagonistic group identities (in line with social identity theory, e. g.: [Tajfel, Turner, 1986; Duckitt, Fisher, 2003]). On the other hand, findings that war victims — even in extremely brutal conflicts — are more likely to participate constructively in democratic institutions [Blattman, 2009] resonate with arguments that war-related traumas engender resilience and facilitate personal growth, including warmer interpersonal relationships, openness to new opportunities and social tolerance [Davis, Nolen-Hoeksema, 2001; Tedeschi, Calhoun, 2004].

In addition, we face a major knowledge gap regarding war effects on individual political orientations. Existing findings have been obtained with the data from internal (civil) wars. But what if war is attributed primarily to external aggression? And what if the war is viewed as a part of a geopolitical competition between democracies and authoritarian states? An important literature in political science suggests that these external factors at a minimum need to be considered [Mearsheimer, 2001] and could be decisive if the intergroup bias logic translates to the international level [Mercer, 2010].

The present study investigates these questions in Ukraine. Significant populations have been exposed to war over the Donbas region that has claimed close to 10,000 people dead and nearly 23,000 injured since April 2014¹. OSCE reports on casualties continue almost daily. Surveys — including those conducted by the Institute of Sociology of the NAS of Ukraine — also show that Ukraine’s residents attribute the war to different causes: emphasising Russia’s intervention, domestic insurgency or both. These conditions give us an opportunity to assess how various degrees of war exposure vs. non-exposure, war attribution to external vs. domestic causes, as well as regional differences and socio-demographic attributes of respondents may affect support for democratic institutions and values at the individual level.

War Exposure: Unpacking Direct and Indirect Effects on Political Orientations

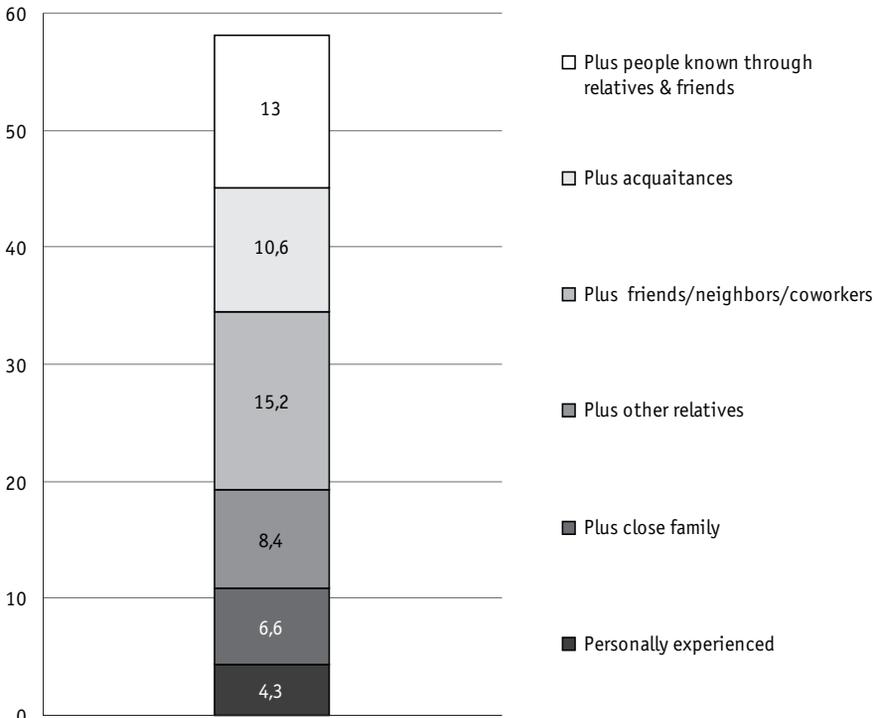
This study asks whether at least a part of the answer to the war effects puzzle comes from the nature of the war exposure. The existing analyses focus predominantly on what could be defined as direct war exposure. The principal measure of war exposure in the literature is residence within a certain radius of combat ac-

¹ Report on the Human Rights Situation in Ukraine, 16 August to 15 November 2016 // Office for the United Nations High Commissioner. — [Electronic resource]. Access mode : http://www.ohchr.org/Documents/Countries/UA/UAReport16th_EN.pdf

tion — typically around 30–100 kilometres [Bakke, O’Loughlin, Ward, 2009; Lyall, Blaire, Imai, 2013; Dyrstad, 2013]. Other measures include loss of family members and close friends [Dyrstad, 2013] and post-traumatic stress [Karam, Ghosn, 2003; Dyrstad, 2013]. While accounting for geography, personal loss and psychology, these measures emphasise direct and strong war exposure.

While capturing these aspects of war exposure is important, taking them into account has come short of explaining the war-democracy puzzle. As a step in that direction, the present study differentiates more specifically between war exposure that is direct (experienced personally) and indirect (experienced through socialisation or networking). The former is defined as participating in combat, assisting combatants or witnessing combat directly. The latter is defined as having one’s family members, friends, co-workers, acquaintances or people any of them know as combatants or their assistants. The 2016 Ukrainian public opinion survey data from the Institute of Sociology (National Academy of Sciences of Ukraine) show how socialisation stands to magnify war exposure and its putative effects throughout a society (see Figure 1) — raising the question of whether this broadening of exposure amplifies the same war effects or somehow transforms them in the process.

Direct and Indirect Effects of War Exposure
 (% respondents in Ukraine 2016 Omnibus IS NAS survey, N=1,802)

As Figure 1 shows, the share of respondents who reported direct war exposure as a combatant, combatant assistant or combat witness in any location within Ukraine in a nationally representative survey sample was marginal — at about 4.3 percent of the sample (more specifically, of 1,718 respondents out of the

total sample of 1,802 who answered the relevant question). However, we can also see how each layer of socialisation broadens war exposure. About 10.3 percent of respondents told us that they had close family members — parents, children or siblings — who were combatants or assisted combatants in the Donbas war. If one considers having other relatives in those roles, the share of respondents exposed to war rises to nearly 20 percent, having friends and neighbours in those roles — to about 35 percent, acquaintances — to about 45 percent and people known through relatives and friends — to 58 percent.

In this study we also tracked another measure that amplifies indirect war exposure — namely, the kind of people with whom respondents reported discussing the war and its effects on a regular basis. Specifically, we asked respondents if they discussed the war with their relatives, friends, co-workers, neighbours, strangers or with no one — with the option to select as many categories as it was applicable. This measure shows that about 21 percent of 1,802 respondents who answered the question (the entire sample) discussed the war with at least one category of other people and nearly 60 percent discussed the war with three categories of other people. Overall, responses to this question gives us a proxy for the degree of a respondents' socialisation or networking on war issues regardless of whether they were directly involved in or witnessed combat or knew other people who did it.

An examination of the binary correlation matrix between each of those measures of exposure and socialisation showed that the biggest dividing line ran between those respondents who experienced the war directly and those who did not. Though some differences were observable within the indirect exposure group (notably, those who knew family members involved in the war were somewhat more distinct than others), they were not as strong or consistent as the differences between direct and indirect exposure groups.

This distinction makes sense from a theoretical standpoint, considering the well-documented social and psychological effects of combat on individuals — including statistically significant differences in the amount of post-traumatic stress symptoms by those who lived in the proximity to the war zone in the Donbas region and those who did not, based on the same 2016 survey data. According to Dembitskii, compared to the rest of the sample, 33.2 percent more respondents directly exposed to combat reported being nervous when left alone, 32 percent more reported being “tense or wound up” and about 29 percent more said they could not trust other people [Dembitskii, 2017]. As Dyrstad found in Bosnia, Croatia in Kosovo in the early 2000s, similar manifestations of post-traumatic stress were one of the most robust correlates of support for authoritarianism in each country [Dyrstad, 2013]. The narrowing down of cognitive and emotional tolerance is a clear psychological mechanism, potentially amplified by other factors, including, for example, a heightened sense of social injustice (an issue typical of problems experienced by war veterans worldwide and specifically in present-day Ukraine).

At the same time, as Tedeschi and Calhoun noted [Tedeschi, Calhoun, 2004], experiencing traumatic stress does not necessarily have to translate into political intolerance, given that individuals may also rebound through personal reassessment and post-traumatic growth.

One aspect that previous research studies have not assessed systematically is the role of socialisation in processing and/or transmitting war exposure effects.

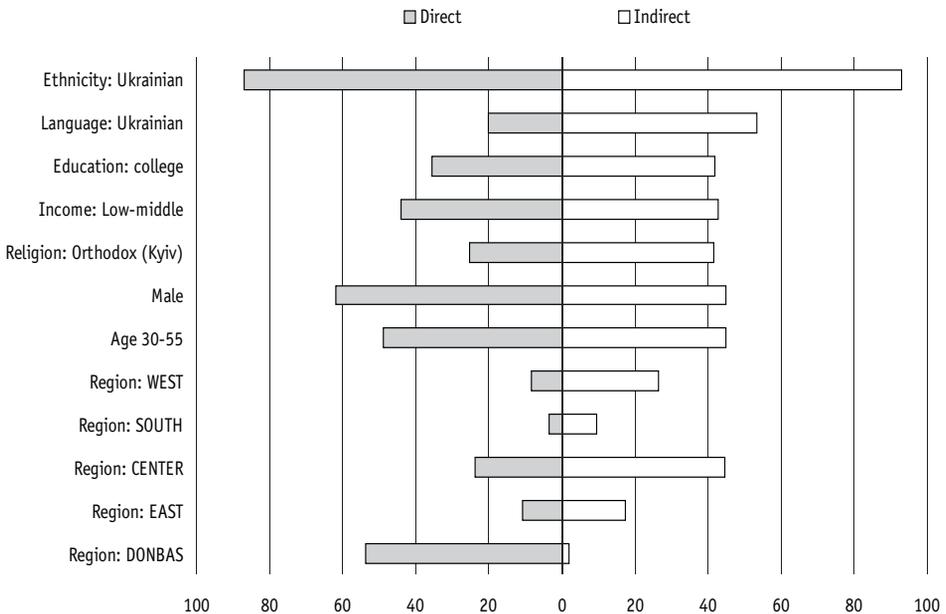
Significant literary sources — counting, for instance, seminal studies by Putnam on social capital [Putnam, 2000] and Pettigrew and Tropp’s definitive meta-analysis of peer-reviewed journal publications on the social contact theory [Pettigrew, Tropp, 2006] — indicate that experiencing the war through conversations (and, therefore, contact with other people) is likely to modify the substantive effect of war stories. In particular, it is possible that given the level of interest in war-related violence, the ensuing social contact would be conducive to building social capital, which in its own right stands to engender more benign, inclusive and tolerant views.

Simultaneously considering those literary sources would corroborate the initial empirical findings showing that the biggest dividing line with respect to support for democracy would be between those with direct vs. socialised war exposure. One may hypothesise that among the former, support for democracy is likely to be weaker than on average, but among the latter it may not necessarily be weaker or stronger.

Confounding Correlates

While binary correlations are important to consider, they are insufficient as a test of hypotheses because they do not enable one to control for simultaneous effects of other variables that may potentially explain the same relationships (and for that reason they are not reported here). Specifically concerning war exposure in the context of Ukraine, this study examines the effect of several potential correlates on support for democracy. Cross tabulations of typically significant socio-demographic control variables revealed both significant similarities and differences between the direct and indirect war exposure groups (see Figure 2).

Respondents Characteristics by War Exposure Type
(% within each category)

The two groups are for the most part similar when it comes to ethnic self-identification (both are over 80 percent Ukrainian), education (close to or slightly above 40 percent in both groups have college experience), income (just over 40 percent in each group fall into the mid-low category) and age (about 45–50 percent of both groups are in the mid-range 30–55-year-old cohort). But they differ markedly in the region of residence, language use, religious affiliation with the Orthodox Christian Church under the Kyiv Patriarchate, and, to a lesser extent, gender (most of those who had direct exposure are predictably males). The latter are important factors to consider and the data particularly suggest they need to be held constant (controlled) when the impact of different types of war exposure is analysed.

In addition, our theoretical consideration spelled out in the round-table discussion means two more factors need to be controlled — assessment of the role of Russian intervention in the Donbas war and reliance on the Russian media as a news source. The next point is the explanation of how each of the key variables is measured with the available survey data and how their relationships are analysed to account for the impact of confounding factors.

The Data, the Variables and Methods of Analysis

The data came from the nationwide public opinion survey of 1,802 respondents conducted in July 2016 by the Institute of Sociology of the NAS of Ukraine among adult residents of Ukraine using multistage probability sampling and a combination of face-to-face interview with filling out the questionnaire in writing. As a part of this study — based on the standard set of social attitudes monitoring questions asked annually or biannually and consistent with the European Social Survey (e. g.: [Golovakha, Gorbachyk, 2014] — a block of questions was added assessing the respondents' war exposure, social contact on war-related issues and the Russian media use.

The Dependent Variable: Support for Democracy. Seven survey items were used as indicators of support or opposition regarding democratic values and institutions. The first three were based on how important to themselves personally on a five-point scale from “1” (completely unimportant) to “5” (very important) respondents found the following: (1) “democratic development of our country;” (2) “opportunity to express political and other opinion without worrying about personal freedom;” and (3) “possibility of criticism and democratic checks on government policy decisions.” The fourth controlled for authoritarian preferences with a binary variable based on whether respondents agreed or disagreed with the statement: “A few strong leaders can do more for this country than all the laws and deliberations.”

The remaining three dummy variables probed the geopolitical dimension of democratic orientation and were based on whether respondents viewed positively or negatively the ideas of Ukraine's joining a union with authoritarian Russia and Belarus, the fundamentally democratic European Union or the predominantly democratic transatlantic military alliance (NATO). The inclusion of these measures also allows us to examine whether domestic political and geopolitical orientations relate to war exposure in the same way.

The Principal Explanatory Variables: War Exposure and Networking.

Based on theoretical considerations and examination of correlation matrices, survey questions were recoded to obtain war exposure measures. Direct war exposure was measured as a binary variable distinguishing between those who reported spending any amount of time as a participant in war fighting, as an assistant to the combatants or as a witness of military action (84 out of 1,718 respondents who answered the question in the affirmative were coded as “1”, the rest as “0”).

Two measures of indirect war exposure were computed to better comply with the requirements of different statistical models used in the analysis. The first one is an additive scale from 0 to 8 based on two questions with four sub-items each — the first asking if one’s (1) close relatives; (2) other family members; (3) friends, neighbours or co-workers; (4) or other acquaintances were among the combatants in any part of Ukraine, and the second asking if each of the same four categories of people were among the combatant assistants. The second variable was calculated as a binary, simply distinguishing between respondents who reported any form of indirect exposure to war and respondents who reported none. In addition, a dummy variable was included as a proxy for social contact effects distinguishing between respondents who discussed the war with other people and respondents who did not.

Control Variables. To account for the impact of war perceptions, two binary variables were used. The first one which measured characterisation of the war as a predominantly external vs. internal was based on the question: “Against whom do you believe the Ukrainian forces (the army, the National Guard, the police, the State Security Service and others) fight for the most part in Donbas? (Please select one option from the list.)” Respondents who picked the options “against local rebels financed, armed and guided from Russia,” “against the Russian mercenaries (local or foreign fighting for money) who are supported by Russia” or “against the regular Russian armed forces” were coded as “1” and the rest as “0.”¹ The second measure identified respondents (coded as “1”, the rest as “0”) who marked Russia as the “location of information sources, from which I get the news.”

Socio-demographic characteristics were controlled with variables identifying respondents as male or female, employed or unemployed, using the Ukrainian or the Russian language to complete the survey questionnaire, residing in a city or in a rural area, identifying oneself as an ethnic Ukrainian or Russian, belonging to the Orthodox Church of the Kyiv Patriarchate and considering oneself to be a winner or a loser from “the events of 2014” (notably including the Euromaidan Revolution, the Crimea annexation and the start of war in Donbas). Also, education level (primary, secondary or higher) and age (based on six cohorts) were controlled.

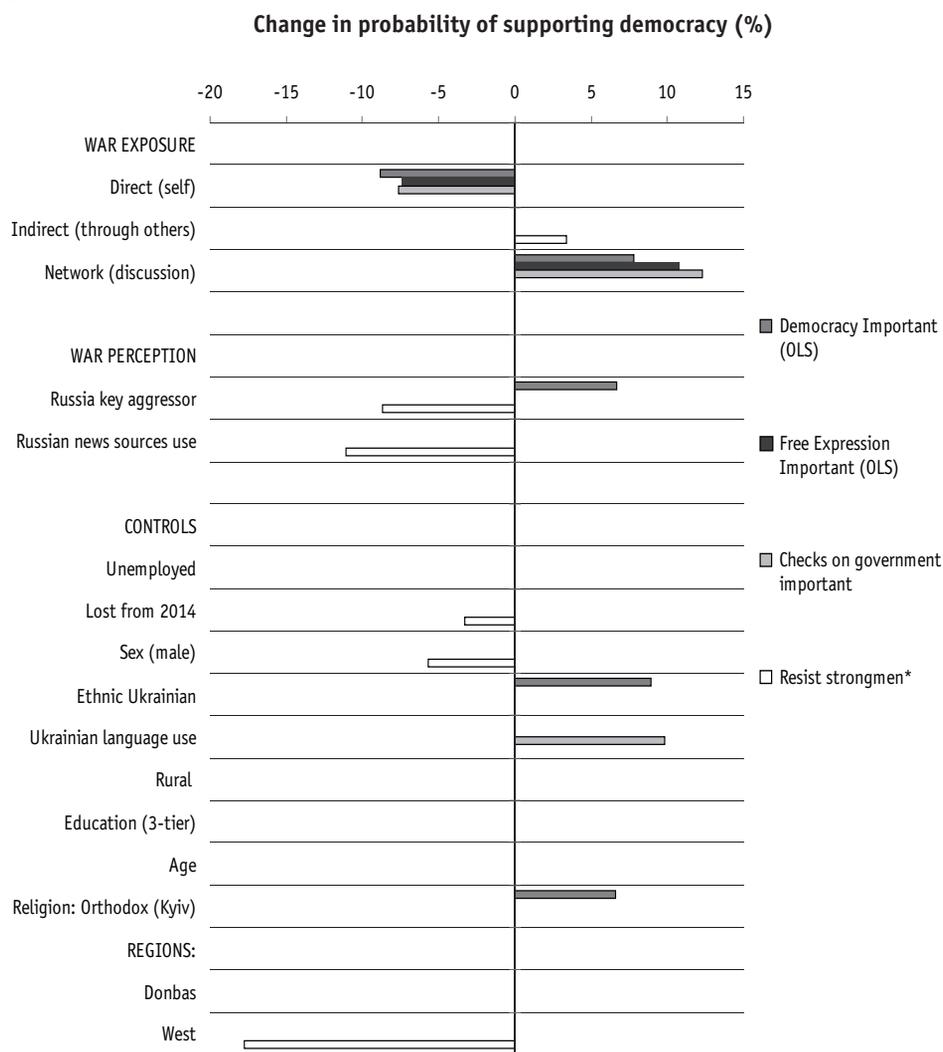
Methods of Analysis. Two types of regression analysis were used to empirically estimate the impact of each of the explanatory and control variables on the dependent variables according to convention. For the continuous (scale) dependent variables (importance of democracy, freedom of expression and checks on government decisions) the ordinary least squares (OLS) method was used. For the binary (dummy) dependent variables (all the rest) logistic regression analysis was

¹ The user-missing values (“don’t know” and refusals to answer) were retained in the newly computed variables.

used. The author used the first differences procedure — estimates of the effects of a one-unit change in the explanatory variable on the probability of change in the outcome variable — to empirically assess how war exposure relates to support for democracy. These differences were estimated only for variables found to be statistically significant (non-randomly related) at a 95 percent confidence level by standard measures of significance for both types of regression models.

Key Findings

The biggest findings from the regression analysis — which held also after numerous robustness checks with different specifications of the dependent and independent variables — is that direct and indirect (networked or socialisation-based) war exposure have diametrically opposite and for the most part significant effects on domestic political system orientation, but the same effects on geopolitical orientations.

Looking first at the domestic policy preferences, as shown in Figure 3, we see that direct war exposure decreased the probability of a respondent's believing democracy as a model of development, freedom of expression and checks on government to be important by about 7–9 percent, all other variables being equal. We find no significant relationship between direct war exposure and support for the rule of strong leaders above laws and institutions. Instead, we find that discussing the war with other people non-randomly increased support for democracy, freedom of expression and checks on government to about the same degree, while indirect war exposure also increased the likelihood of one's opposition to a strongman's rule (or authoritarianism).¹

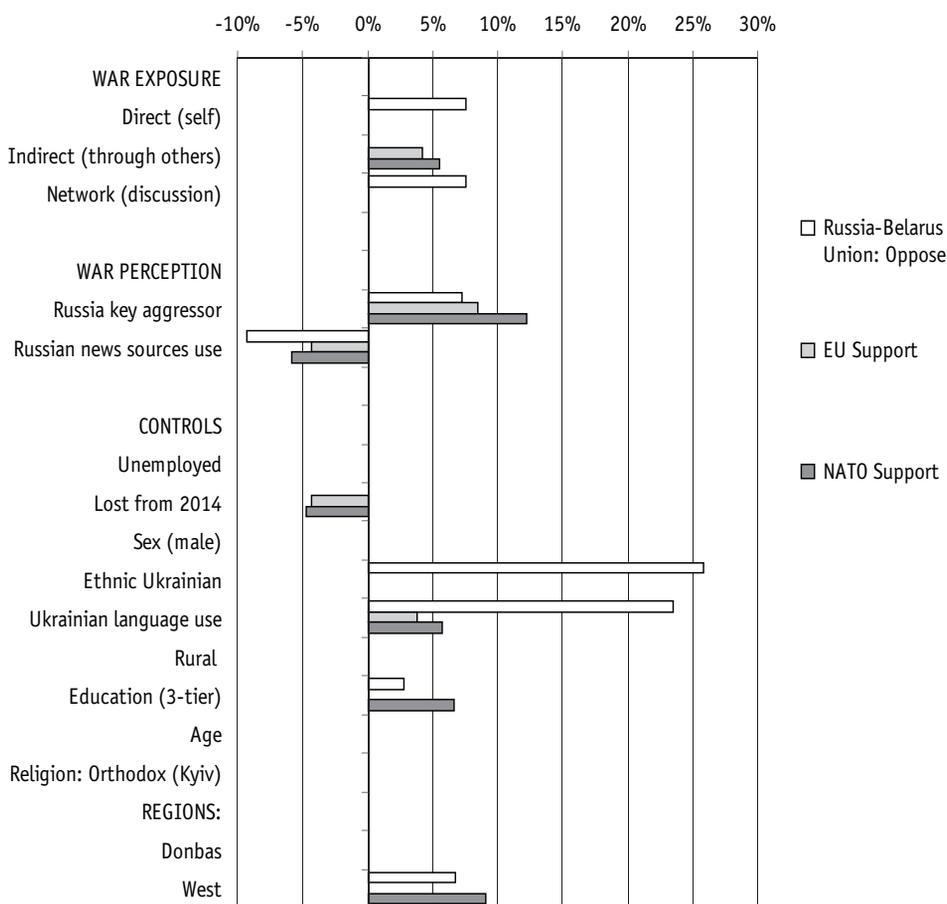
With the exception of the perceived nature of the war, no control variable was significantly related to more than one of the outcome variables. Importantly, war exposure measures were statistically significant correlates of political orientation even when one or several of the control variables also mattered. For example, support for democracy as a development path for Ukraine was significantly stronger among respondents who saw Russia as the principal enemy in the Donbas war and who identified themselves as ethnic Ukrainians and members of the Orthodox Church of Kyiv Patriarchate. Those factors were important, as well as direct and indirect exposure, albeit pointing in different directions. Perhaps most impressively, indirect war exposure was positively associated with opposition to authoritarianism while all the significant control variables were associated with support for it. One alarming finding in this regard is that support for strong leaders as opposed to laws and rules was particularly strong in Ukraine's West, where we also find the strongest popular support for Ukraine's joining the EU, which needs distinctly the rejection of authoritarianism. This paradox may partially relate to the finding that perception of Russia as the principal enemy is connected significantly with support for democracy in general, but at the same time with support for strong rulers. This could well reflect the perception that defeating a militarily superior adversary requires authoritarian mobilisation. However, since democracy is what is defended against such an adversary, its general idea (but not specific freedoms) also relate positively to the sense of external threat.

Now turning to geopolitical orientations, Figure 4 shows that any kind of war exposure has similar effects when those effects are statistically significant. One small distinction that may be worth a more detailed examination is that support for joining the EU and NATO is significantly related to indirect war exposure while opposition to joining the Russia-Belarus union is not. However, the former is not significantly related to direct war exposure, but the latter is. Here we also see that characterisation of the Donbas war as external (through identifying Russia as the key adversary) translates into both support for the NATO and EU membership and opposition to the Russia-Belarus union membership. The results also indicate that the influence of the Russia-based media outlets is signifi-

¹ As a basis for assessing the impact of change in the independent variable on probability of change in the dependent variable in Figure 3, standardised regression coefficients were used for OLS analysis and 1/10 of Exponent B were used for logit. The correspondence between those indicators is not straightforward and should not be interpreted as a direct correspondence, but rather as an approximate illustration of effects for easier comparison. Regression tables and command syntax for the tests are available from the author upon request.

cant and pulls in the opposite direction. Language use comes through as a consistent marker of geopolitical orientations. One potentially alarming result to watch in the future is that association of the sense of personal loss from 2014 events translates into a greater likelihood of opposition to Ukraine’s joining the EU and NATO – which means that if the negative retrospective evaluation of the Euromaidan revolution spreads, popular support for Ukraine’s European orientation is likely to diminish. On the other hand, taking into account the logically obvious nature of this relationship, it may be surprising that the analysis did not reveal even strong effects of the 2014 retrospective on future geopolitical orientations, given massive economic hardships experienced by most Ukrainians, as well as war-related traumas.

Probability of Western geopolitical orientation (1/10 logit odds ratio)

Conclusions

From the standpoint of theory development, the most valuable finding here is that the distinction between direct and indirect war exposure matters and could potentially explain the controversies in the existing literature on how war

may shape political orientations. In addition to the starkly contrasting findings showing how direct exposure relates to democratic preferences negatively, but indirect exposure relates to them positively, it is also important to remember that in regression models the impact of each independent variable on the outcome variable is estimated while the effect of all other variables is held constant. This means that by including both direct and indirect exposure measures in the same models, we have effectively tested not only how other factors may impact or compound war exposure effects, but whether direct and indirect effects still hold while each is controlled. Therefore, since both direct and indirect effects on democracy orientations turned out to be significant in the same models, it is a further indication of their robustness and independence of each other. It means that they have different micro-foundations, or perceptual and behavioural drivers. This could be explained with reference to the literature on post-traumatic stress, intolerance and injustice, on the one hand, and to the works on social capital and social contact, on the other hand. But the explanations may also lie elsewhere. Identifying and pinpointing them could be a rewarding and illuminating line of further research, to which the current study opens the gate.

From the standpoint of practical sociopolitical implications, the findings indicate that the continuation and broadening of military conflict may undermine public support for precisely those political values that are coterminous with membership in the international institutions where Ukraine's public and leaders by and large see their future. The results show that the development of these contradictory trends is of particular concern in Ukraine's western regions. By extension also, the findings suggest, among other things, that developing more public socialisation opportunities for the Donbas war veterans — and particularly for those who were not involved in the war themselves but had significant indirect exposure — is an important mission if the negative impacts of war exposure are to be mitigated and overcome.

References

Bakke K.M. Reconciliation in Conflict-Affected Societies: Multilevel Modeling of Individual and Contextual Factors in the North Caucasus of Russia / Kristin M. Bakke, John O'Loughlin, Michael D. Ward // *Annals of the Association of American Geographers*. — 2009. — Volume 99, Issue 5. — P. 1012–1021.

Blattman C. From Violence to Voting: War and Political Participation in Uganda / Christopher Blattman // *American Political Science Review*. — 2009. — Volume 103, Issue 2. — P. 231–247.

Collier P. Breaking the Conflict Trap. Civil War and Development Policy. A World Bank Policy Research Report / Paul Collier, V. L. Elliott, Hevard Hegre, Anke Hoeffler, Marta Reynal-Querol, Nicholas Sambanis. — Washington, DC: World Bank and Oxford University Press, 2003.

Collier P. The Bottom Billion: Why the Poorest Countries are Failing and What Can Be Done About It / Paul Collier. — Oxford University Press, 2007.

Davis C.G. Loss and Meaning. How Do People Make Sense of Loss? / Christopher G. Davis, Susan Nolen-Hoeksema. — *American Behavioral Scientist*. — January 2001. — Volume 44, Issue 5. — P. 726–741.

Dembitskiy S. Sotsial'nyie faktory psikhologicheskogo distressa: na primere respondentov prozhivavshikh v zone boevykh deistvii (Social Factors of Psychological Distress: The Case of Respondents Who Lived in the Combat Zone) / Sergey Dembitskii. [Electronic resource]. — Access mode : http://soc-research.info/blog/index_files/scl-tbd.html.

Duckitt J. The Impact of Social Threat on Worldview and Ideological Attitudes / John Duckitt, Kirstin Fisher // *Political Psychology*. — March 2003. — Volume 24, Issue 1. — P. 199–222.

Dyrstad K. Does Civil War Breed Authoritarian Values? An Empirical Study of Bosnia-Herzegovina, Kosovo and Croatia / Karin Dyrstad // *Democratisation*. — 2013. — Volume 20, Issue 7. — P. 1219–1242.

Golovakha Ye. Tendentsii sotsial'nykh zmin v Ukraini ta Yevropi: za rezul'tatamy Yevropeis'koho sotsial'noho doslidzhennia 2005–2007–2009–2011–2013 (Trends of Social Changes in Ukraine and Europe: Outcomes of the European Social Survey 2005–2007–2009–2011–2013) / Yevhen Golovakha, Andrii Gorbachyk. — Kyiv : Institute of Sociology of the National Academy of Science of Ukraine ; International Renaissance Foundation (IRF), 2014.

Hutchison M.L. Tolerating Threat? The Independent Effects of Civil Conflict on Domestic Political Tolerance / Marc L. Hutchison // *Journal of Conflict Resolution*. — 2014. — Volume 58, Issue 5. — P. 797–825.

Karam E. Psychosocial Consequences of War Among Civilian Populations // Elie Karam, Michela Bou Ghosn // *Current Opinion in Psychiatry*. — July 2003. — Volume 16, Issue 4. — P. 413–419.

Lyall J. Explaining Support for Combatants During Wartime: A Survey Experiment in Afghanistan / Jason Lyall, Graeme Blair, Kosuke Imai // *American Political Science Review*. — November 2013. — Volume 107, No. 4. — P. 679–705.

Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics / John J. Mearsheimer. — New York : Norton, 2001.

Mercer J. Reputation and International Politics / Jonathan Mercer. — Ithaca ; London : Cornell University Press, 2010.

Mutz D.C. Population-Based Survey Experiments / Diana C. Mutz. — Princeton University Press, 2011.

Pettigrew T.F. A Meta-Analytic Test of Intergroup Contact Theory / Thomas F. Pettigrew, Linda R. Tropp // *Journal of Personality and Social Psychology*. — May 2006. — Volume 90, No. 5. — P. 751–783.

Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community / Robert D. Putnam. — New York ; London ; Toronto ; Sydney : Simon & Schuster, 2000.

Tajfel H. The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // Henri Tajfel, John C. Turner // *Psychology of Intergroup Relations* / Ed. by Stephen Worchel and William G. Austin. — Chicago : Nelson-Hall, 1986. — P. 7–24.

Tedeschi R.G. The Posttraumatic Growth: Conceptual Foundations and Empirical Evidence / Richard G. Tedeschi, Lawrence G. Calhoun // *Psychological Inquiry*. — 2004. — Volume 15, No. 1. — P. 1–18.

ИРИНА БЕКЕШКИНА, кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела социально-политических процессов Института социологии НАН Украины

Война и мир: целинное поле для социологов

К сожалению, войны сопровождали всю историю человечества. Естественно, что в мировой литературе существует множество произведений, посвященных осмыслению войны, ее влиянию на человека и общество. Наиболее выразительно суть этой тематики отражена в названии романа Льва Толстого «Война и мир», как оно выглядит в современном русском языке, где слово «мир» имеет две коннотации — это и противоположность войне, и мир людей, общество. Война — это время жесточайших испытаний; это смерти и тяжелые потери и вместе с тем это время наивысших взлетов человеческого духа, самопожертвования и героизма. Война меняет людей, а значит, и общество. Художественная литература изображает эти процессы через личностное восприятие художника, где место доказательности занимает его освещенность и искренность. Разумеется, субъективный взгляд на войну означает возможность многообразия интерпретаций.

Проблемы войны и мира, естественно, являются сквозной темой исторических исследований, преимущественно по установлению объективного фактажа событий. А глобальное осмысление событий войны — это область философского видения, которое, конечно же, зависит от общих принципов определенной философской системы.

Очевидно, что доказательно-убедительными должны стать исследования проблем войны и их последствий для общества с применением эмпирических методов социологической науки. Также понятно, что такие исследования имеют непродолжительную историю. Во-первых, интенсивное развитие массовых опросов общественного мнения приходится на вторую половину XX века, когда по крайней мере в Европе надолго наступило мирное время. Во-вторых, страны, где не утихают военные действия (будь то гражданская война или агрессия другого государства), часто оказываются недоступными для проведения указанных исследований. К тому же в этих странах нередко отсутствует развитая социологическая наука, а зарубежные ученые, разумеется, проводить там собственные исследования не могут.

Украина является страной, где проблематика войны и ее влияния на общество может и должна быть в центре исследований социологов. Война на Донбассе продолжается уже три года. Около 10 000 убитых и 23 000 раненых, и каждый день численность их растет. Несколько миллионов жителей Крыма и оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей были вынуждены покинуть свои дома. Страшный удар нанесен экономике, в итоге — резкое падение уровня жизни. Все это не могло не повлечь за собой важные изменения в обществе, которые и призваны изучать социологи.

Наиболее очевидное, что было зафиксировано уже в первый год аннексии Крыма и развертывания военных действий на Донбассе, — это радикальное изменение внешнеполитических ориентаций. Ранее, в течение почти всех лет существования независимой Украины опросы фиксировали деление общественного мнения населения почти пополам между ориентациями на интеграцию с ЕС и с Россией и странами СНГ (в последние годы все же с небольшим преимуществом в пользу ЕС). В результате аннексии Крыма и участия России в вооруженном конфликте на Донбассе восточный вектор ориентаций фактически рухнул и уже не является равноправным с западным.

Но самые большие изменения произошли в отношении населения к НАТО. В годы перед Майданом поддержка членства Украины в НАТО стабильно достигала 14–16%. И даже при «оранжевой» власти, которая придерживалась курса на сближение с НАТО и реализовывала определенные пронаатовские информационно-агита-

ционные программы, максимальная поддержка НАТО в 2008 году составляла 18%. Украинцы считали, что оптимальным средством достижения безопасности будет соблюдение Украиной внеблокового статуса.

Аннексия Крыма и военная агрессия России ясно показали, что Украина не сможет гарантировать свою безопасность без сильных военных союзников. И поддержка перспективы вступления Украины в НАТО резко возросла: только 14,5% в 2013 году и 38% в мае 2014 года (при 47% против), а уже с 2015 года поддержка членства в НАТО стабильно составляет большинство. Такая радикальная смена внешнеполитических ориентаций однозначно связана с войной и агрессией России.

Эти изменения очевидны. Но ясно и то, что тектонические сдвиги в обществе, связанные с войной, обязательно окажут и другие влияния на общественное сознание. Представленное научное исследование Михаила Алексева, сделанное на данных социологического мониторинга Института социологии НАНУ, может служить примером такого новаторского подхода. Автор доказательно и аргументированно показал, каким образом отношение к войне различных групп населения влияет на политические ориентации, в частности, на поддержку демократии.

Без сомнения, необходимо провести аналогичное исследование и таких настоятельных проблем, как влияние войны на радикализм, склонность к протестам, политический выбор.

Но не только для внутренней политики важны социологические исследования, связанные с войной на Донбассе. Общественное мнение населения Украины может и должно стать одним из ключевых аргументов и для международного сообщества.

В последнее время некоторые политики и эксперты, особенно европейские, теряя терпение, предлагают покончить с войной на Донбассе как можно скорее и самым простым способом: если невозможно повлиять на Россию, значит, на уступки должна идти Украина.

Можно приводить немало аргументов против такой позиции — и с точки зрения международного права, и с позиций геополитической целесообразности, и много других аргументов, почему такой подход неправомерный, несправедливый, а главное, на самом деле не решает проблемы.

А есть еще и социологический аргумент — общественное мнение по всему комплексу вопросов конфликта на Донбассе.

Да, люди жаждут мира. Они считают это задачей № 1. Но когда социологи спрашивают, согласны ли граждане на достижение мира любой ценой, оказывается, что нет.

В опросе, проведенном в декабре 2016 года¹, мы изучали отношение граждан Украины к различным вариантам компромиссов (по российской версии толкования Минских соглашений). И оказалось, что почти все они неприемлемы для большинства граждан (см. табл.).

Поэтому, анализируя ситуацию на Донбассе и разрабатывая предложения по достижению мира, нужно обязательно учитывать фактор украинского общества, которое в Украине является сильным субъектом, чья позиция весит не меньше, чем позиция власти. Более того, власти не могут принимать решения, которые противоречат позиции абсолютного большинства граждан.

Очевидно, что социологи должны стать активными участниками в вопросах решения военных конфликтов, предоставляя объективные результаты исследования общественного мнения.

¹ Исследование проводилось социологической службой Центра им. А.Разумкова совместно с Фондом “Демократические инициативы” им. Илька Кучерива с 16 по 20 декабря 2016 года во всех регионах Украины за исключением Крыма и оккупированных территорий Донецкой и Луганской областей. Опрошено 2018 респондентов в возрасте от 18 лет. Теоретическая погрешность выборки не превышает 2,3%.

Таблица

Какие компромиссы Вы считаете приемлемыми для прекращения войны на Донбассе?

Возможный компромисс	Приемлемо	Не приемлемо	Трудно ответить
Предоставление и закрепление в Конституции “особого статуса” отдельных территорий Донецкой и Луганской областей	24,3	55,2	20,5
Принятие закона о нейтральном и внеблоковом статусе Украины	29,9	44,8	25,3
Внесение изменений в Конституцию в отношении предоставления русскому языку статуса государственного языка	23,8	56,0	20,1
Полная амнистия для всех участников боевых действий против украинских войск	12,1	68,2	19,7
Проведение местных выборов на условиях, которых требуют боевики	9,6	71,0	19,4
Формирование местной полиции, судов и прокуратуры в ОРДЛО исключительно из местных представителей	13,0	59,4	27,6
Согласие на особые политические и экономические отношения временно неподконтрольных территорий с Россией	13,4	59,9	26,7

ЕЛЕНА ЗЛОБИНА, доктор социологических наук, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАН Украины

Групповые идентичности в контексте войны на Донбассе

По моему мнению, сами по себе результаты исследования М.Алексеева не выглядят парадоксальными, если попытаться рассмотреть их в плоскости новых групповых идентичностей. Выделенная группа непосредственных участников событий отличается чувством своей непосредственной причастности к войне. И в отличие от “комплекса жертвы”, который акцентировали бы в этой ситуации психологи, в рамках социологического подхода внимание прежде всего привлекает специфика переживания участниками событий своего нового “мы”. Возникает вопрос, кто же для этих людей образует группу “они”. Если обратиться к данным того же исследования, можно увидеть, что группа четко выделяется не только своим отношением к демократии. Приведу всего один пример. Отвечая на вопрос о том, что объединяет сегодня людей в украинском обществе, представители группы, которую в дальнейшем будем условно обозначать как “потерпевшие”, во всех позициях, кроме одной, не отличаются от остальных опрошенных. И, на первый взгляд, это отличие выглядит весьма странно, хотя и является статистически значимым. Речь идет о потере ощущения “нормальности” жизни. Казалось бы у группы “потерпевших” это ощущение должно было бы быть особенно обостренным. Однако в этой группе его назвали объединительным фактором всего 8%, а среди остальных опрошенных эту позицию выбрали 25%. И обусловило такой результат именно то, что “потерпевшие” не воспринимают тех, кто не находился в зоне боевых действий, как людей, которые в принципе могут претендовать на понимание “потери нормальности”. Это ощущение в полной мере принадлежит только им, поэтому никак не может выступать фактором объединения всех людей в современном украинском обществе.

Это новое “мы” требует дополнительного исследования качественными методами. Только так можно будет выяснить, какие факторы определяют специфику отношения к демократии представителей этой группы. Вместе с тем сам факт образования новых социальных групп по признаку “пострадавших” крайне важен для понимания ситуации в стране. На этой почве сформировались по крайней мере две новых группы идентификации — те, кто пережил опыт непосредственного столкновения с боевыми действиями, живут не только по эту, но и по ту сторону линии размежевания. И хотя социологи преимущественно не работают на неподконтрольных территориях, отдельные результаты все же периодически предоставляют исследователи проблем общестственности. Приблизительно в начале июня 2016 года украинским офисом IFAK Institut по заказу аналитического центра “Фабрика мнения “Донбасс”” было проведено социологическое исследование, посвященное изучению особенностей сознания и идентичности жителей подконтрольной и неподконтрольной Украине территорий Донецкой области¹. Одним из важных аргументов в пользу влиятельности новых идентификаций является прежде всего сама манифестация жителями неподконтрольных территорий своей новой идентичности — “гражданин ДНР”. Так себя идентифицировали 18% опрошенных на неподконтрольных территориях. Сам факт такой принадлежности и здесь придает респондентам статус “особенности”. При этом хотя экономическая ситуация и материальные условия жизни в Украине оцениваются теми, кто проживает на неподконтрольных территориях, как более благоприятные по сравнению с теми, что сложились в ДНР, в оценке ситуации с демократией картина противоположна. Большинство из тех, кто проживает в ДНР, считают, что уровень соблюдения прав и свобод населения и свободы слова в их республике выше, чем в Украине. Замечу, что эти люди с высокой вероятностью являются такими же непосредственными участниками боевых действий, как и те, кто пережил эту ситуацию и остался на территории, подконтрольной Украине. То есть разные идентичности порождают и разные оценки ситуации. Если посмотреть на характер эмоциональных переживаний жителей подконтрольных и неподконтрольных Украине районов Донецкой области, оказывается, что палитра негативных чувств значительно ярче представлена именно среди оставшихся на контролируемых территориях. В этой группе 37% отметили, что переживают разочарование, 30% — что чувствуют злость и гнев. Тогда как среди опрошенных на территории ДНР на переживание разочарования и злости, гнева указали соответственно всего 11% и 6%.

Мы не будем затрагивать сейчас проблему специфики сбора полевых данных в условиях, когда вокруг “люди с оружием”, укажем только, что эти условия действовали по обе стороны линии противостояния. По нашему мнению, гораздо важнее в понимании такого отличия в ответах именно то, кто играет для представителей указанных групп роль “других”. Если для группы потерпевших на подконтрольных территориях “они” — это те, кого боевые действия не затронули непосредственно, становится понятной их позиция “разочарованных” и “недовольных”. “Мы” тех, кто остался на неподконтрольных территориях, не имеет того, кому предъявлять претензии в рамках территориального сообщества. “Они” — это все те, кто находится по ту сторону противостояния, “мы” сплотились в противодействии им, и даже если у нас есть определенные материальные трудности, “мы” ощущаем силу своего единства и связываем ее с господством демократии и свободы слова. Опять-таки, делать при этом какие-либо выводы касательно реального отношения представителей этого сообщества к демократии можно только на основе специальных качественных исследований.

Все приведенные рассуждения не отрицают результатов, приведенных в анализе профессора Алексева, а скорее имеют целью привлечь внимание к проблеме новых идентичностей, возникших в результате военного конфликта и в значительной мере определяют все предпочтения и оценки их носителей.

¹ Результаты представлены на сайте: <http://www.ifak.com.ua/ru/news/>

АЛЕКСАНДР СТЕГНИЙ, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины

Травма войны: контекстуальность “украинского кейса”

Западные исследователи признают всю сложность травмы, наносимой человеку участием в военных действиях. Все начинается с ощущения себя частью другого мира, где господствуют возбуждение и опасность и все зависит от мужчин с оружием в руках. У тех, кто имел непосредственный опыт как боевых действий, так и их последствий, возникает чувство, которое позже превращает войну в своего рода наркотик. Возникает желание почувствовать себя навсегда свободным от банальностей гражданской нормальной жизни. Особый случай для тех, кто убивал на войне, — происходит смена психологических установок, возникает необходимость найти смысл в своих действиях. Если ощущение вины, боль от потери боевых товарищей не позволяют солдату поделиться с близкими людьми самым важным, что случилось с ним во время войны, он начинает ощущать себя чужим в обществе, ради которого воевал. Последствия этого отчуждения могут привести к девиантному поведению (алкоголизм, наркотики и т.п.), и это еще больше отдаляет таких людей от остального общества и превращает в маргиналов¹. В случае нашей страны приведенные симптомы травмы налагаются на специфику украинского контекста, что следует учитывать при проведении прежде всего качественных исследований (фокус-групповых дискуссий, глубинных интервью) с теми, кто непосредственно соприкасался с ужасами военных действий.

Контекстуальность “украинского кейса” следует учитывать в нескольких измерениях. Прежде всего нужно говорить об особом нынешнем состоянии всего украинского общества, а именно о состоянии “emergency”, что препятствует обычным социальным практикам, усиливает неопределенность, смещает внимание на обеспечение общественной безопасности. Культура “emergency”, как отмечает Н.Костенко, бесспорно, транслируется на образ жизни людей, их интуиции, намерения и действия, присутствует как в индивидуальном восприятии, так и в коллективном опыте — институциональном, групповом, публичном, повседневном². Налицо обща радикализация повседневной жизни, и оружие уже не только становится необходимым атрибутом в военных действиях на Донбассе, а нередко выступает аргументом в разрешении гражданских конфликтов.

Важным методологическим аспектом является также композиция участников для фокус-групповых дискуссий с учетом весьма разного их непосредственного опыта пребывания в зоне боевого столкновения. Среди всех категорий таких информантов (военнослужащие, врачи, волонтеры, гражданское население) я хотел бы выделить важность военнослужащих и волонтеров. Важность именно этих участников качественных исследований вызвана тремя обстоятельствами: особенностью качественного состава украинских военнослужащих, особым статусом военных действий на Донбассе и беспомощностью государственного обеспечения потребностей украинской армии, особенно в первый период.

Особенность качественного состава украинских военнослужащих заключается в том, что среди них есть люди с принципиально разным уровнем военной подготовки. На фоне катастрофического дефицита кадровых военных в первые месяцы боевых действий решающее значение имели сформировавшиеся добровольческие ба-

¹ *Сайтс К.* Синдром войны: О чём говорят солдаты / Кевин Сайтс. Пер. с англ. — М.: Альпина нон-фикшн, 2013.

² *Костенко Н.* В состоянии “emergency”: культурные эффекты // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2016. — № 4. — С. 105–106.

тальоны. Значительную часть этих формирований составляли те, кто прошел Евромайдан. Под влиянием тщетности своих усилий хоть что-то изменить мирными методами эти люди получили опыт силовой борьбы с правоохранительными государственными структурами. А пережитый ими массовый расстрел участников Евромайдана подвел к мнению, что достичь вступления в Европейский Союз можно только силовыми методами тогда, когда власть не идет на компромиссы. Как тут не вспомнить сетования активистов и вообще демократически настроенных людей на то, что в условиях европейской демократии В.Янукович должен был бы сложить полномочия после избияния студентов и многотысячной акции протеста в Киеве.

Несмотря на масштабность человеческих потерь и использование практически всего арсенала вооружений, за исключением боевой авиации, боевые действия носят официальное название “антитеррористическая операция” (АТО). Хотя фактически мы соприкасаемся с новой разновидностью войны — с “гибридной войной”, в которой сочетаются боевые действия и гиперактивное медийное сопровождение с единственной целью — опровергнуть участие России и возложить всю вину на украинский истеблишмент. Под влиянием как внешних обстоятельств, так и бесперспективности прямого масштабного противостояния российской армии украинская сторона пошла на подписание Минских соглашений. Как оказалось позже, эти соглашения отнюдь не ограничили активность боевых действий и не обеспечили прекращения огня. Фактически прекращения огня придерживаются только украинские военные, тогда как террористические группировки при поддержке кадровых российских военных продолжают обстрелы.

Как свидетельствуют многочисленные телевизионные репортажи военных корреспондентов непосредственно с линии фронта, среди украинских военнослужащих весьма распространены негативный опыт “бессилия по принуждению”: необходимость соблюдения в одностороннем порядке Минских соглашений не позволяет адекватно отвечать на обстрелы из тяжелого вооружения. Негативный отпечаток накладывает и неэффективное оперативное командование во время окружения в Илловайском котле и отступления из Дебальцевого, что привело к значительным человеческим потерям среди военнослужащих. Имеем эмоционально негативный и травматический опыт прощания с павшими на войне товарищами — фактически ежедневно происходят похороны по всей стране. Отдельный кейс составляют прощания на Майдане независимости в Киеве — напоминая о боли потерь, они, соответственно, дополнительно заостряют вопрос: почему ничего принципиально не изменяется на фронте?

Отдельный фрагмент для проведения качественных исследований с участием военных составляет проблема их ресоциализации после возвращения к гражданской жизни. Важность этого фрагмента заключается в том, что у демобилизованных обострено чувство социальной справедливости, которое усиливается потерей толерантности и опытом применения силы в условиях военных действий. По данным Государственной службы Украины по делам ветеранов войны и участников антитеррористической операции, статус участника АТО получили 280 тыс. человек, большинство с которых требуют адекватного повышенного внимания как со стороны правительственных институций, так и всего украинского общества.

И здесь нужно назвать социально-экономические последствия ведения “гибридной войны”: ее экономическое бремя для бюджета страны¹ и, соответственно, сокращение затрат на социальную сферу, включая недостаточное финансирование программ по реабилитации и трудоустройству вернувшихся с фронта. Проблему жесткой нехватки бюджетных ресурсов дополнительно усугубляет малоэффектив-

¹ По словам Президента Украины П.Порошенко, каждый день войны на Донбассе стоит около 5 млн долларов США (см.: http://dt.ua/ECONOMICS/prezident-ozvuchiv-vartist-odnogo-dnya-viyini-u-donbasi-185971_.html).

ность деятельности государственных институтов, которые должны были бы заниматься ресоциализацией демобилизованных.

В качестве отдельного кейса можно привести объявленную государством льготу на получение земельных участков для строительства, которая на местах довольно часто саботируется местными чиновниками. Так, по сообщению Государственной службы Украины по вопросам геодезии, картографии и кадастра по состоянию на октябрь 2016 года в это учреждение обратились свыше 100 тыс. воинов для получения земельных участков, которые им гарантирует государство. Процедура выделения земли продолжается от двух до восьми месяцев, если не возникает проблем с документами. Однако чиновники часто отказывают военным в наделе, который они сами выбрали. Например, почти 6 тысячам воинов отказали в получении земельных участков¹.

В итоге среди демобилизованных распространяется и без того критически низкий уровень доверия к главным государственным институтам, что создает почву для возможного наращивания потребности в “наведении порядка”, пусть даже с применением “сильной руки”.

Еще одной важной категорией для качественных исследований должны стать волонтеры, которые в критический момент первых месяцев “гибридной войны” фактически взяли на себя функцию государства в обеспечении воинов амуницией и продуктами питания. Позже они также приобщились к оснащению украинской армии современными образцами стрелкового оружия. Несмотря на артикулируемое общественное признание, как это ни парадоксально, волонтеры соприкасаются с многочисленными препятствиями в своей деятельности на благо общества. Речь идет о попытке государственного регулирования такой деятельности, что обычно оборачивается противоположным эффектом для самого государства, в частности в плане должного материального обеспечения Вооруженных Сил Украины. Опыт волонтеров заслуживает особой социологической рефлексии, поскольку служит примером гражданской самоорганизации в критических условиях военных действий и угрозы сохранению территориальной целостности страны. Одновременно следует отметить, что материальное и военно-техническое обеспечение армии как ключевого элемента гарантии национальной независимости является непосредственной обязанностью государства. И в этом также состоит особенность “украинского кейса” в исследовании влияния войны на социально-политическое развитие.

ВИКТОР СТЕПАНЕНКО, доктор социологических наук, главный научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины

Языковая политика и языковые практики в контексте войны

Языковой фактор и проблемы языковой политики — уже привычные темы политических противостояний, манипуляций и электоральных мобилизаций — особенно обострились в контексте Евромайдана 2013–2014 годов и дальнейшего драматического развития страны в контексте войны. Именно языковая политическая карта, в частности искусственно сконструированная и активно распространяемая кремлевской пропагандистской машиной мифология относительно якобы имеющей угрозы существованию русскоязычного населения, стала одним из оправданий со стороны России ее агрессии в отношении Украины, аннексии Крыма, инспириации и поддержки сепаратистских мятежей так называемого геополитического проекта “Новороссия”, направленного на отрыв преимущественно русскоязычных

¹ 30 тыс. участников АТО уже получили земельные участки, гарантированные государством (см.: http://24tv.ua/skilki_uchasnikiv_ato_otrimali_zemelni_dilyanki_n737497).

Юга и Востока от Украины. И хотя в целом этот проект потерпел поражение, образование поддерживаемых Россией сепаратистских анклавов ОРДЛО и продолжающийся военный конфликт на Донбассе все еще находят постоянную идеологическую подпитку и политическую легитимацию на фоне культурных, в том числе языковых, различий в Украине.

Российская агрессия против Украины и вызовы европейской модернизации по-разному актуализировали, а также в определенной мере и ускорили формирование украинской современной гражданской нации, в частности в таких ее проявлениях, как русскоязычный украинский патриотизм. Языковая политика и языковые практики являются важным аспектом этой проблематики.

На мой взгляд, адекватная языковая политика в стране нуждается в переосмыслении связи между языком и нацией, прежде всего гражданской нацией. Статус украинского языка как единственного государственного репрезентирует желаемый проект формирования нации-государства (nation-state), в котором украинский язык должен играть роль важного символа национального единства страны. Вместе с тем реальная, преимущественно двуязычная коммуникационная практика в стране доказывает, что клише, отождествляющее язык с маркером национальной идентичности, довольно схематично и ассоциируется в основном с эссенциалистским¹ представлением о нации. Да и сама концепция “идентичности” многозначна и слишком размыта, а значит — и проблемна в плане ее эффективного использования в реальном социологическом анализе², в частности применительно к украинской ситуации. В этой ситуации, например, национальная (как этническая, так и гражданская) самоидентификация человека не обязательно связана с языком, особенно когда речь идет о повседневных языковых практиках.

Жесткая схематическая привязка “идентичности” к языку образует заколдованный круг и задает опасный репродукционный алгоритм отечественной политики, которая постоянно эксплуатирует языковой вопрос как индикатор социальной классификации и групповой мобилизации. Политические манипуляции на этнокультурных и языковых различиях и форсирование “политики идентичностей” способны не только формировать конфликтные расколы между разными этнокультурными группами в стране, но и подрывать хрупкие, да и без того неустоявшиеся демократические институты и раскалывать страну. Методологическое освобождение из эссенциалистской ловушки “идентичность = язык” обеспечивает важную концептуальную позицию, а также предоставляет весомый контраргумент против доктрины “Русского мира”. Ведь последняя собственно и базируется на ошибочном тезисе о том, что все украинские граждане русского этнического происхождения, а также — русскоязычные украинцы автоматически являются так называемыми *соотечественниками*, которые якобы требуют “защиты” со стороны России, что на практике означает возможность завоевания ею территории другого суверенного государства, где эти “соотечественники” проживают.

Кремлевский пропагандистский миф, активно поддерживаемый в современной России историческим имперским комплексом и советской ностальгией, даже не предполагает перспективы украинской гражданской нации, состоящей из этнических украинцев и граждан разных этнических происхождений, включая русских. Напротив, “Русский мир” как прежде всего шовинистская имперская доктрина может получать определенные стимулы в коммуникационном обмене с разными этническими национализмами, в частности с украинскими, будь то реальными или же, в

1 Эссенциализм (essentialism) — представления и концепция, согласно которым нация и национальная идентичность имеют в своей основе неизменно-сакральные “родовые” атрибуты, которые определяют их сущность (essence).

2 Brubaker R., Cooper F. Beyond “identity” // Theory and Society. — 2006. — 29. — P. 1–47.

большинстве своем, искусственно сконструированными и внедряемыми через российские пропагандистские медиа. Ведь как “Русский мир”, так и этнический национализм — это две стороны одной медали, а именно эссенциалистского представления о нации¹.

Каким же образом языковой фактор и сама языковая ситуация в Украине, которая, согласно региональному распределению, характеризуется фактическим украинско-российским двуязычием, проявляются в контексте войны? Эффект этого влияния противоречив и связан с особенностями ситуации в языковой сфере и языковых практиках страны.

Очевидным фактом является то, что языковой фактор прямо, а также опосредованно вовлечен в контекст войны. Социологические исследования, в частности исследование КМИС в феврале 2015 года касательно эффективности российской пропаганды в Украине, показывают, что фактор русского языка активно в ней задействован и весьма эффективно используется — ведь именно эта пропаганда в основном оказывается русскоязычной. Индекс этого влияния значительно выше (а значит, эта пропаганда более эффективна) для преимущественно русскоязычных Юга (индекс 32) и особенно Востока (индекс 48) страны. Для сравнения: эффективность российской пропаганды для Центра имеет индекс 19, а для Запада страны — всего лишь 12². Эту корреляцию с учетом регионального распределения подтверждает влияние языкового фактора и в других измерениях, в том числе под углом зрения языка, на котором респондент отвечал на анкету: для респондентов, отвечавших на русском, индекс эффективности российской пропаганды составлял 38; в случае смеси украинского и русского языков — 27; а для респондентов, отвечавших только на украинском, — 15³.

В мониторинговом опросе Института социологии НАНУ в 2016 году фактор языка оказался также довольно влиятельным в контексте восприятия вооруженного конфликта на Донбассе, в частности отношение респондентов к России как стороне этого конфликта и в ответах на вопрос о готовности респондентов и людей из их близкого окружения (родных, друзей, знакомых) с оружием в руках бороться за возврат территории самопровозглашенных ДНР/ЛНР под контроль Украины. Языковой фактор в этих корреляциях исследовался через язык (заполнения) анкеты, что ассоциируется преимущественно с языком повседневного общения респондентов, а именно: 42,3% всех анкет — на украинском языке и 57,7% — на русском. Среди респондентов, отвечавших на вопрос украиноязычной анкеты: “С кем главным образом украинские силовые структуры воюют на Донбассе?” до 46% респондентов соглашались, что война идет против российских наемников (местных и иностранцев, воюющих за деньги), которых поддерживает Россия; а вот среди респондентов, которые отвечали на этот вопрос в русскоязычной анкете, подобного мнения придерживаются 30%. С тем, что война идет против регулярной российской армии, соглашались до 18% респондентов украиноязычных анкет и почти вдвое меньше — русскоязычных.

Фактор языка также коррелирует с мерой готовности респондентов и их близкого окружения воевать за восстановление территориальной целостности Украины (см. табл.).

1 Показательно, что поспешная и необдуманная попытка отмены пресловутого языкового закона Колесниченко — Кивалова в Верховной Раде в марте 2014 года, инициированная активистами националистической “Свободы”, предоставила дополнительные пропагандистские аргументы для России в ее политических оправданиях аннексии Крыма и развязывания военного конфликта на Донбассе.

2 КМИС. Пресс-релиз “Индекс эффективности российской пропаганды”. — Февраль 2015 года. — <http://www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=510>

3 Там же.

Таблица

**Готовность к вооруженной защите территориальной целостности
Украины, 2016, %**

Готовы или не готовы Вы или Ваши родные, друзья, знакомые с оружием в руках сражаться за возвращение территории самопровозглашенных ДНР/ЛНР под контроль Украины?	Язык анкеты		Этническая самоидентификация	
	Укр.	Рус.	Украинец	Русский
Готов я лично	9,3	5,0	7,3	1,8
Готовы мои родные	6,0	2,2	4,1	1,2
Готовы мои друзья	6,8	4,3	5,7	2,9
Готовы мои знакомые	8,8	5,0	7,1	3,5
Одни из родных/друзей/знакомых готовы, а другие не готовы	20,1	11,6	15,4	10,6
Ни я, ни мои родные/друзья/знакомые не готовы	39,1	61,8	50,0	72,4
Трудно сказать	21,1	14,9	18,5	10,6

Вместе с тем влияние языкового фактора здесь значительно уступает корреляции с этнической самоидентификацией респондентов: так, 5% респондентов, которые отвечали на русскоязычную анкету, высказали свою личную готовность воевать за возвращение Донбасса, а среди этнических русских к этой позиции присоединились 2% (см. табл.).

Не менее очевидным фактом, определяющим ситуацию в языковой сфере, является то, что даже с началом агрессии России против Украины и аннексии Крыма русский язык как язык повседневного общения сохраняет довольно устойчивые позиции в языковых практиках страны, особенно на Юге и Востоке. По данным опроса Института социологии 2014 года до трети респондентов соглашались с предоставлением официального статуса русскому языку. Следует отметить, что это исследование уже не охватывало респондентов из аннексированного Крыма и ОРДЛО. Согласно исследованию КМИС 2015 года, 52% респондентов соглашались с тем, что русский язык может иметь официальный статус в регионах, где большинство жителей поддерживает эту идею, и лишь пятая часть респондентов соглашались с мнением, что русский язык нужно изъять в Украине из официального употребления¹. Эти и другие исследования языковой ситуации в Украине свидетельствуют о том, что в общественном мнении страны, в частности с учетом ее региональных особенностей, еще не сформировался доминирующий публичный консенсус в плане целостного видения языковой политики, прежде всего в отношении статуса русского языка в Украине.

Следовательно, языковой фактор остается довольно значимым аспектом в контексте войны и сложной общественно-политической трансформации в Украине. Необходимо учитывать, что вопросы языка и языковой политики крайне чувствительны, противоречивы и, как доказывает отечественный опыт, могут быть легко использованы в политически манипулятивных целях. Формирование сбалансированной и демократической языковой политики в стране осложнено ныне обстоятельствами комбинированных вызовов: с одной стороны, европейских устремлений страны, которые предполагают, наряду с прочим, политику признания и защиты культурных и,

¹ КМИС. Пресс-релиз “Отношение к статусу русского языка в Украине”. — Февраль 2015 года. — <http://www.kiis.com.ua/?&cat=reports&id=517&page=1>

в том числе, языковых отличий, а с другой стороны, необходимости защиты страны от геополитической агрессии со стороны России с использованием русского языка как политического орудия в гибридной войне за “*Русский мир*” в Украине.

Впрочем, понятно, что любые политически-административные, непродуманные и поспешные шаги в языковой политике могут разрушить хрупкий консенсус украинского гражданского патриотизма, базирующийся не в последнюю очередь на признании реальной практики свободного пользования обоими распространенными в Украине языками — украинским и русским (“*єдина країна*” — “*единая страна*”). Это может генерировать острые конфликтные ситуации и использоваться для расшатывания ситуации в стране. Эффективная коммуникация в контексте войны должна учитывать языковые региональные особенности страны, и русский язык также может стать транслятором для формирования смыслов украинского гражданского патриотизма.

ЕКАТЕРИНА ИВАЩЕНКО-СТАДНИК, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела методологии и методов социологии Института социологии НАН Украины

Социальный вызов внутреннего переселения: гибридные контуры украинского “кейса”

В контексте размышлений Михаила Алексева об различиях в опыте людей, которые испытали влияние войны, и тех, кто этого избежал, хочу обратить внимание на вопросы взаимодействия и взаимопонимания между группами, которые также выделяются по бинарному признаку наличия и отсутствия определенного опыта, а именно — между переселенцами с Донбасса и местным населением регионов, которые их принимают. В сборнике Сергея Жадана “Тамплиеры” (2016), анонсированном автором как стихи “о войне, которую никто не объявлял”, есть точная строфа-предупреждение: “...вы все равно не сможете быть счастливы там, где вас никто не ждал”. Люди, ставшие изгнанниками вследствие гибридного конфликта, являются довольно новым феноменом в современной истории. Кто они, что вынудило их приехать и как к ним относиться — непростые вопросы для местного населения украинских регионов, которое не только не имеет опыта вынужденного переселения, но и придерживается разных взглядов на то, что и почему происходит на Донбассе.

Современная литература, которая анализирует феномен перемещения из-за военных действий, уделяет большое внимание социальным аспектам вынужденного перемещения, в частности акцентирует внимание на их конфликтной сути: “невозможность легко и свободно вернуться” в свои дома усугубляет травму переселенцев, а потеря привычной среды и внезапная утрата принадлежности, статуса и идентичности радикально отличает переселенцев от местного населения¹. Из-за этого прибытие перемещенных лиц в принимающие сообщества имеет сложную межгрупповую динамику, связанную с проявлениями стереотипов и дискриминации. Эксперты утверждают, что в случае ухудшения социально-политической ситуации и утраты безопасности может возникать нетолерантность в отношении вынужденных переселенцев со стороны местного населения, что может приводить к дальнейшим конфликтам. Анализ современных конфликтов показывает, что в случае, когда войну ведет государство, люди, проживающие “в лагере противника”, даже если они не участвуют в военных действиях, воспринимаются другой стороной как “несостоя-

¹ См., в частности: *Brettel C., Holifield J.* Migration Theory: Taking across disciplines. — New York, London: Routledge, 2015; *Rajpu S.* Displacement of the Kashmiri Pandits: Dynamics of Policies and Perspectives of Policymakers, Host Communities and the Internally Displaced Persons (IDPs). (Doctoral dissertation). George Mason University, 2012.

тельные граждане”¹ либо “ни друзья, ни враги”². Важным замечанием исследователей современных конфликтов является и то, что когда стратегической целью целенаправленного насилия становится уничтожение целостности территории, межгрупповой конфликт нельзя определять как обусловленный сугубо этническими, религиозными или иными отличиями. В связи с этим украинский кейс вынужденного перемещения в результате гибридного конфликта представляет собой типичный, но одновременно чрезвычайно своеобразный и потому сверхсложный для анализа случай.

Непризнание на официальном уровне факта внешней агрессии и распространенное использование обманчивого термина “гражданский конфликт” (который с легкой руки российских официальных представителей вошел в риторiku части международных сообществ, в том числе высоких представителей ООН, политиков и иностранных наблюдателей) усложняет общественное восприятие событий на Донбассе: происходит своеобразный “разрыв шаблона”, что затрудняет анализ конфликта и его последствий, одним из которых становится появление в украинских городах переселенцев из горячих точек на Востоке страны. С точки зрения принимающего общества, до тех пор, пока на Донбассе против Украины используется российское оружие, роль местного населения в конфликте — активная или пассивная — воспринимается как антагонистическая, враждебная украинскому государству.

Хотя украинское общество в разных регионах придерживается неоднозначных взглядов на события на Донбассе, по данным мониторингового исследования Института социологии 2016 года, большинство все же определяет эти события как внешнюю агрессию со значительной ролью “местного ополчения” (15,9% опрошенных) и “наемников из числа местных и иностранцев” (36,6%), которые финансируются, вооружаются и координируются Российской Федерацией, либо при участии регулярной российской армии (17,4%). Местные, бежавшие из зоны конфликта, воспринимаются и как жертвы, и как предатели (следовательно, наблюдается своего рода “гибридное восприятие” продуктов “гибридного конфликта”).

Нужно подчеркнуть, что речь идет о действительно масштабном, ранее неизвестном Украине вынужденном перемещении людей из “зоны конфликта” (или “зоны АТО”, “зоны войны”, “оккупированной территории” — определения могут быть разными, но все они имеют фактическое основание), — масштабное даже на фоне других знаковых конфликтов, которые сегодня наблюдаются в мире. По оценкам ООН в октябре 2015 года потенциальный “пул” тех, кто пострадал из-за конфликта на Донбассе и нуждается в гуманитарной помощи, может достигать 5 миллионов человек. Около четырех процентов населения Украины — напомню, одной из самых больших стран Европы — зарегистрированы как внутренне перемещенные лица (ВПЛ). Следует осознать, что Украина оказалась в числе пяти стран (наряду с Йеменом, Сирией, Ираком и Нигерией), имеющих наибольшее количество ВПЛ, которые покинули дома в результате конфликтов, и в данное время мы занимаем первое по этому показателю место в Европе.

Хотя переселенцы с украинского Востока не просят милостыню на улицах мирных городов (что, несмотря на оправданный скепсис в плане эффективности национальной социальной политики, является признаком того, что острого гуманитарного кризиса из-за наплыва убежавших от войны все же не произошло), перемещение такого огромного количества людей с насиженных мест в новую для них среду оказывается серьезным вызовом не только для них самих, но и для местной власти и

¹ *Diken B., Lausten C.B.* The culture of exception: sociology facing the camp. — New York, London: Routledge, 2005.

² *Korostelina K., Cherokaoui M.D. (eds.)* Civilians and Modern War: Armed Conflict and the Ideology of Violence. — New York; London: Routledge, 2012.

местного населения. Готовы ли местные — повторю, в условиях неопределенности статуса и природы конфликта — воспринимать переселенцев как “своих”, предоставлять им доступ к необходимым ресурсам, быть к ним толерантными, делить с ними гражданские права и обязанности? Хотя данные нашего исследования (Институт социологии, 2015) свидетельствуют о том, что только около пятой части респондентов негативно относятся к внутренне перемещенным лицам, а подавляющее большинство готово, хоть и с некоторыми оговорками, к взаимодействию и сотрудничеству с ними на частном, профессиональном и гражданском уровнях, проявление полностью позитивного отношения в ходе опроса не стоит однозначно воспринимать как признак безоблачных отношений в реальности (так же, как и проявление негативного отношения не обязательно должно привести к настоящему конфликту). При определенных обстоятельствах аттитюды могут обуславливать определенное поведение, но нетолерантность к новоприбывшим обычно оказывается спонтанной¹, особенно если они остаются плохо интегрированными².

Даже если переселенцы имеют такое же этническое происхождение, как и принимающее их общество (что характерно для украинского кейса), общая атмосфера разочарования и неудовлетворенности ситуацией в стране на фоне послевоенной радикализации общества приводит к “натянутым отношениям” (ОБСЕ, 2016) с теми, кто так или иначе ассоциируется с драматическими событиями, унесшими тысячи жизней и обездолившими десятки тысяч украинских семей. Эти печальные обстоятельства актуализируют необходимость предметной дискуссии по поводу статуса и будущей роли переселенцев в “принимающей среде”. Вопрос о взаимном уважении между местными и новоприбывшими касается не только доверия, но и равного распределения гражданских прав и обязанностей. Данные, полученные в нашем исследовании, демонстрируют, что после трех лет конфликта переселенцы все еще настороженно воспринимаются остальными как полу-граждане, временно ограниченные в правах.

В итоге переселенцы замыкаются на себе, образуя своего рода “гетто”. Но только при условии, что их будут воспринимать как равных, переселенцы смогут приобщиться к повышению конкурентоспособности страны и содействовать позитивным изменениям. Принимающее сообщество и перемещенные лица должны понять друг друга в новой постевромайданной реальности. Отсутствие возможностей для их дальнейшего совместного развития в одном государстве, судя по всему, становится серьезным вызовом для обеих сторон.

ВАЛЕРИЙ КАЗАКОВ, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела истории и теории социологии Института социологии НАН Украины

Конфликт на Донбассе: некоторые проблемы методологии исследования

Конкретный реальный социальный конфликт (объективная реальность) во многом отличается от теоретических схем и моделей конфликта (субъективной ре-

¹ *Мукомель В.* Ксенофобия как стержень российского общества // *Фундаментальные проблемы модернизации полиэтничного макрорегиона в условиях роста напряженности* : Сборник рефератов, 2014 (<http://www.usd.cas.cz/wp-content/uploads/2014/12/referaty1.pdf>).

² *Міхеева О., Серета В.* Сучасні українські внутрішньопереміщені особи: основні причини, стратегії переселення та проблеми адаптації // *Стратегії трансформації і превенції прикордонних конфліктів в Україні* : Збірка аналітичних матеріалів. — Львів: Галицька видавнича спілка, 2015. — С. 9–49.

альности), разработанных исследователями в рамках тех или иных научных дисциплин и составляющих методологию конкретного исследования конкретного конфликта. Каждый реальный конкретный конфликт индивидуален, поэтому для его описания и объяснения необходима индивидуальная методология, точнее индивидуальный набор ряда положений различных теорий конфликта. Иначе говоря, требуется выделение некоторых основных положений базовых концепций из “классической” и современной социологической литературы и использование их в качестве “опоры для дальнейшего прояснения” при увязывании их с имеющимися эмпирическими данными и соответствующим теоретическим материалом (Козер, 1956).

По Козеру, разнообразные и разнонаправленные конфликты могут постоянно пересекаться, что искажает их природу (форму, содержание и т.д.). Вслед за другими социологами Козер проводит различие между конфликтами, возникающими в рамках базового консенсуса (коммунальными), выполняющими интегративную функцию, и конфликтами по поводу общих базовых принципов (некоммунальными). Первые сдерживают тенденции к глубинным расколам — само многообразие конфликтов становится фактором, предотвращающим нарушение консенсуса, они “нейтрализуют” друг друга, поскольку не концентрируются вокруг одной центральной проблемы. Множественная групповая принадлежность индивидов порождает множественность пересекающихся общественных конфликтов, возникает балансирующий механизм, предотвращающий раскол по какой-то одной оси. Но при определенных условиях, например, при накоплении оснований для конфликтов может происходить и противоположное — консолидация групп по линиям некоторых базовых различий, что составляет реальную угрозу базовому консенсусу. (Таковыми различиями могут выступить: язык, история, религия, национальность, культура и т.д.) Трансформация конфликта во многом зависит от типа общества: открытое оно или закрытое, гибкое или жесткое, типа церкви или секты и т.д.

Многообразные по своей форме и содержанию конфликты, пересекаясь между собой или даже совмещаясь, изменяют свою природу и порождают конкретные индивидуальные много- и сложнофункциональные конфликты в реальной действительности. Данное положение Козера необходимо принимать во внимание при анализе событий, происходящих на Востоке Украины.

В рамках конфликтного структурализма утверждается, что разнотипные моноконфликты — политические, экономические, социокультурные, административные, этнонациональные — образуют пульсирующую и подвижную структуру конфликтного взаимодействия. Пересекаясь, эти конфликты создают некое пространство, или поле сложносоставного конфликта (ССК), в рамках которого они стимулируют, провоцируют и взаимно усиливают друг друга, тем самым порождая качественно новый феномен — ССК. Более того, накладываясь друг на друга, они порождают новый интегративный эффект проявления конфликтности, обладающей иными качествами, чем моноконфликты сами по себе. Поэтому в настоящее время недостаточно изучать отдельные и рядоположенные социальные конфликты (Якимец, Никовская, 2005).

Такой подход связан с рядом проблем. Во-первых, возникает проблема субъектов конкретного конфликта, которых может быть не только два или три, а значительно больше. Следует также отметить, что каждая отдельная сторона конфликта обладает своей структурой, включающей разных носителей конфликтного начала, имеющих, например, свои мотивы и взгляды на конфликт (войну), его разрешение, урегулирование или завершение. В частности, это могут быть: радикалы, умеренные и инакомыслящие (отступники, еретики, “пятая колонна”), а также “партия войны” и “партия мира” и т.д. Как следствие реальный конфликт может иметь несколько объектов, множество причин и мотивов отдельных действий разных акторов, взаимоотношения между которыми являются весьма разнообразными и сложными.

В этом плане интересна точка зрения Хабермаса, который считает, что конфликты возникают из-за нарушения коммуникации, из-за превратного понимания и непонимания, неискренности и обмана, а спираль насилия начинается со спирали нарушенной коммуникации. Если более конкретно, то, по мнению Хабермаса, для многих западных мыслителей характерны европоцентристские пристрастия, которые со стороны ряда акторов подвергаются критике. В этой ситуации герменевтическая модель понимания “дает сбой”, если субъекты выходят за границы своей культуры, собственных жизненных форм и традиций (в более широком плане — цивилизаций, по Хантингтону). Хабермас пытается объяснить данный факт. С одной стороны, он констатирует, что для интерпретации, анализа текста (или мысли, конфликта и т.д.) необходимо преодолеть некую дистанцию между сторонами конфликта, и не важно, что их разделяет — культура, пространство, семантика (включая язык, религию и т.д.). С другой стороны, в пространстве (культурных, смысловых и т.д.) множественных миров нельзя мыслить непротиворечиво.

Из этой ситуации (непонимания и конфликта), с точки зрения Хабермаса, необходимо выходить посредством “расширения перспектив толкования” (включая, собственное), удовлетворительного решения распределения ролей “говорящего” и “адресата”, достижения “глубинной симметрии” в общении, умения обмениваться перспективами обоих субъектов, совместного создания горизонта значений, при котором обе стороны способны прийти не просто к некой этноцентрической позиции (европоцентристской), собирающей и обращающей в свою веру, а к intersubjectively разделяемой интерпретации. Последняя есть не результат, а процесс диалога, компромисса, согласия, ее нельзя ни понять, ни представить в статике, а только в динамике, динамике диалога и общения.

В целом Хабермас делает вывод: такая модель объясняет, почему усилия понять (иную сторону) могут быть успешными лишь в том случае, если они предпринимаются в ситуации симметричных условий для взаимного признания и освоения перспектив. Если не сложилась структура коммуникативной ситуации, свободной от искажений и латентного присутствия власти, результаты коммуникативного процесса всегда вызывают подозрение. Так как отсутствует intersubjectively разделяемая с рецензентом, оппонентом, редактором и читателями (стороной конфликта) интерпретация авторского текста, для разрешения конфликта, установления коммуникаций, общения, диалога и понимания необходимо взаимное признание сторон. Необходимо также недопущение искажений, оскорблений, господства одного субъекта над другим, необходимо их равенство и свобода, демонстрация добрых намерений и отказ от насилия, освоение взаимных перспектив. То есть из ситуации непонимания (конфликта) можно выйти только при условии взаимного признания сторон — участников конфликта.

Однако проблема признания несколько шире — необходимо не только признание субъектов конфликта, их интересов и целей, но и признание самого конфликта. Как пишет Дарендорф, существует точка зрения на возможность “отмены” конфликтов, в которой проявляется попытка и желание устранить имеющиеся (в том числе и конкретные, реальные) противоположности и противоречия. Такой подход, по мнению Дарендорфа, обманчив. Можно “устранить” фактические объекты конкретных конфликтов, и “устранить” их так, чтобы они не возникли вновь как предметы конфликта. Но “устранение” только самого предмета не “устраняет” скрывающегося за ним конфликта, его причин и условий, отношений противоположности и противостояния. Дарендорф подчеркивает: социальные конфликты, то есть вырастающие из социальной структуры противоречия принципиально нельзя “разрешить” в смысле окончательного устранения.

Подобно Хабермасу в социокультурном (цивилизационном) плане конфликт рассматривает и Хантингтон. С его точки зрения, Украину разделяет “линия разло-

ма” цивилизаций на православную восточную и униатскую западную части. Более того, он однозначно утверждает, что Украина — это расколота страна с двумя различными культурами. Кроме того, в своей книге “Столкновение цивилизаций” Хантингтон ссылается и на мнение Джона Мирсхаймера, высказанное им в 1993 году насчет возможности российско-украинской войны.

Как утверждает сам Хантингтон, конфликты или войны по “линиям разломов” могут происходить между государствами или группами государств, между неправительственными группировками и между государствами и неправительственными группами. В пределах одной страны, как правило, эти группировки расположены в географически удаленных регионах, они не контролируются правительством и обычно сражаются за независимость. В конфликт могут быть также втянуты географически перемешанные группы. В этой ситуации возникает постоянная напряженность отношений, которая может взрываться насилием в рамках полномасштабной войны, особенно в условиях, когда возникают новые государства и устанавливаются их границы, когда народы и нации разделяют насильно или административно.

Кроме указанных выше Хантингтон отмечает и иные признаки цивилизационного конфликта, его объект и предмет. По его мнению, конфликты по линиям разломов представляют собой борьбу за контроль над народом (населением), но чаще борьба идет за обладание территорией. Иными словами, целью сторон конфликта является завоевание территории и освобождение ее от представителей другого народа или нации посредством его изгнания или физического уничтожения, что воплощается в “этнических чистках”. Часто территория как объект конфликта рассматривается его сторонами как важнейший символ их истории и идентичности, как некая священная земля, на которую они имеют незыблемое право. Подобного рода конфликты принимают самые отвратительные формы, и все стороны оказываются причастны к массовым убийствам, террору и пыткам. К другим признакам таких войн Хантингтон относит их продолжительный и затяжной характер (в среднем в шесть раз больший, чем в случае войн между государствами), трудность их разрешения, нарушение достигнутых соглашений, особенно если они подписаны не всеми группами со всех сторон конфликта, переменчивость и волнообразность протекания конфликта — от взрывов акций массового насилия до вялотекущих боевых действий и угрюмой враждебности. Однако “костры” обоюдной ненависти редко затухают полностью. Для таких войн характерно большое количество погибших и беженцев. Хантингтон также считает, что важнейшей особенностью таких войн стала их “интернационализация”, участвовавшие просьбы о помощи к родственным группам в других странах, которые оказывают ее в самых разнообразных формах посредством развитых международных сетей, что намного продлевает конфликт. В ходе этих процессов формируется “синдром родственных стран”.

В заключение следует отметить, что Хантингтоном предложена и некая схема попыток прекращения или регулирования таких войн и конфликтов. Ввиду их особенностей, например переменчивости и периодичности, данная схема изменчива и вариативна. Однако она включает два основных, как правило, постоянных элемента; это — истощение и позиция второстепенных участников конфликта. Каждый из этих элементов имеет свою структуру и свои составные части. Первый, истощение, включает: “признание войны как таковой”, ослабление сторон, усталость от войны, “предательство родича”, изменение характера власти — от радикализма до умеренности, согласие на переговоры, несмотря на все сложности его достижения и т.д. Второй — осознание второстепенными участниками войны своей заинтересованности в ее прекращении, их сплочение, предоставление им “возможности” вести переговоры между прямыми участниками конфликта.

НАТАЛИЯ БОЙКО, кандидат социологических наук, и.о. ведущего научного сотрудника отдела социальной психологии Института социологии НАН Украины

Интернет-практики украинцев в условиях вооруженного конфликта на Донбассе

Благодарю господина Алексеева за очень интересный доклад и возможность посмотреть на исследуемые мной вопросы под еще одним углом. Занимаясь изучением интернет-пользования в Украине, я проанализировала особенности интернет-активности украинских пользователей интернет-сетей в специфических социально-политических реалиях нынешнего дня. Кстати, наши многолетние исследования интернет-практик свидетельствуют о том, что украинцы наращивают активность интернет-пользования несмотря на всяческие политические и экономические катаклизмы — как внутренние, в стране, так и общемировые. Причем это актуально для всех социально-демографических групп. Однако результаты наших последних исследований показали, что сейчас из-за событий на Востоке страны фиксируется ряд особенностей пользования. Это касается и общей динамики наращивания количества интернет-пользователей в определенных регионах, и особенностей интернет-активности украинцев в условиях ведения военных действий на Донбассе.

Исследование региональных особенностей вовлечения наших граждан в интернет демонстрирует неуклонный рост числа пользователей по всей стране. Меньше всего пользователей интернет-сети сегодня, как и в предыдущие годы, фиксируется на Западе страны. Тем не менее следует отметить, что именно этот регион осуществил самый большой прыжок в наращивании интернет-пользования в течение последнего года, увеличив долю пользователей с 56,1% в 2015 году до 69% в 2016-м. Восточный регион, до недавнего времени остававшийся лидером по увеличению количества интернет-пользователей, стал единственным регионом страны, продемонстрировавшим негативную динамику в течение 2014–2015 годов, что безусловно связано с теми событиями, которые происходят на Донбассе.

Для дальнейшего анализа ситуации было выделено более мелкое региональное распределение респондентов. В частности, Восточный регион был разделен на две группы — в первую группу (“Восток”) вошли Днепропетровская и Харьковская области Восточного региона, на территории которых не ведется боевых действий. Вторая группа (“Донбасс”) вобрала респондентов из Донецкой и Луганской областей, на территории которых сегодня нарушилось обычное социальное, экономическое и политическое территориальное функционирование. Итак, доля пользователей интернета среди респондентов “Донбасса” в 2015 году составляла 56% населения, демонстрируя определенный спад в пользовании сетью, тогда как на оставшихся территориях Восточного региона (“Восток”) этот показатель достиг 67%, что продемонстрировало довольно мощное увеличение числа пользователей, характерное и для остальных регионов. Отмечу, что в 2014-м “Донбасс” имел 65,7% пользователей, а “Восток” (Харьковская и Днепропетровская области) — 60%.

Пытаясь проанализировать особенности социально-гражданских интернет-практик пользователей, мы обратились к ответам на вопрос: “Какую активность Вы проявляете в интернет-сети?”, который предполагает следующие варианты ответов: читаю информацию на сайтах разнообразных государственных и негосударственных организаций; отслеживаю новости общественно-политической жизни; читаю блоги, страницы политиков, общественных деятелей; обращаюсь к официальным учреждениям, организациям для решения личных или общественных проблем; обращаюсь к общественным, международным организациям; высказываю свое мнение, предложения, замечания в блогах политиков, общественных деятелей, на сайтах государственных учреждений, партий и т.п.; оставляю комментарии на публикации по социальным и общественно-политическим вопросам; обсуждаю на форумах, конференциях, в социальных сетях актуальные вопросы социально-поли-

тической и общественной жизни; поддерживаю социальные мероприятия, инициированные пользователями в сети (а именно, помощь переселенцам, воинам АТО, больным, протестные акции против незаконной застройки и т.п.); инициирую через интернет определенные социальные мероприятия и действия; ничего из перечисленного не делаю.

Резюмируя полученные результаты¹, следует отметить, что военные события на Востоке страны внесли значительные коррективы в социально-гражданские интернет-практики украинцев. В качестве главной тенденции реализации общественно-гражданской интернет-активности пользователей в сети в 2015 году можно назвать рост потребности в получении разнообразной политической новостной информации онлайн и увеличение политически окрашенной неформальной коммуникации, обсуждение политически-гражданской проблематики в сети. Причем произошло значительное увеличение эмоционально окрашенной интернет-активности украинских пользователей. Замечу, что такая эмоционально окрашенная активность может способствовать как интеграционным, так и дезинтеграционным процессам в обществе из-за взрывоопасности (неконтролируемости и деструктивности) эмоционально окрашенного поведения и восприятия событий.

Социально-гражданская активность, связанная с возможностью реализации средств *е-управления, е-демократии* в рамках онлайн-диалога государство — гражданин, также продемонстрировала некоторые особенности. Характерным признаком ситуации оказалось то, что такая гражданская активность проявила разнонаправленность тенденций в разных регионах страны. Так, Запад, Центр и “Донбасс” нарастили гражданскую активность в 2015 году по сравнению с 2013-м. Причем Запад стал лидером среди всех регионов по обращениям в официальные учреждения и организации для решения личных или общественных проблем. В то же время Юг и “Восток”, которые были лидерами в проявлениях действенной гражданской активности в 2013-м, в 2015 году существенно ее сократили, уменьшив и количество обращений в официальные учреждения и организации для решения личных или общественных проблем, и количество обращений в общественные, международные организации. Для региона “Донбасс” и для Центра характерно увеличение обращений в общественные и международные организации через интернет, однако количество обращений в официальные учреждения и организации страны для решения личных или общественных проблем по сравнению с региональными тенденциями 2013 года практически не изменилось. Существенное наращивание (более чем вдвое) количества пользователей, которые через интернет обращаются в официальные учреждения и организации для решения личных или общественных проблем, наблюдается сегодня в Западном регионе.

В целом в 2015 году произошло значительное увеличение по сравнению с 2013-м количества украинских граждан, которые использовали интернет для реализации своей социально-гражданской активности. Наблюдается весомая политизация активности украинских граждан всех регионов в информационно-коммуникационном пространстве UA-нета. Восточный регион, который раньше был наименее политически активным, нарастил политико-гражданскую причастность и интернет-активность. Западный регион остался лидером в социально-гражданских проявлениях в онлайн-пространстве.

¹ Более подробное рассмотрение этого анализа можно найти в следующих публикациях: *Бойко Н.* Регіональні особливості соціально-громадянської активності в Інтернеті — інтегруючий чи дезінтегруючий чинник сучасного українського суспільства? // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. Вип. 2 (16). — К.: Інститут соціології НАНУ, 2015. — С. 483–494; *Бойко Н.* Интернет-активность в современных украинских реалиях // Социологический альманах. — 2015. — № 6. — Минск: Беларуская навука, 2015. — С. 534–542.

События на Востоке страны повлияли не только на социально-гражданскую активность в сети; они внесли свои коррективы и в общие тенденции использования интернета¹. В качестве ключевого для данного анализа мы взяли 2014-й — год наиболее жестких и трагических для страны военных действий на Донбассе. Анализ особенностей интернет-активности 2014 года по сравнению с предыдущими годами показал, что снизилась интернет-активность, связанная с использованием сети для получения информации для повышения квалификации и обучения, а также снизилась познавательная-досуговая и развлекательно-игровая активность пользователей (“нахожу и слушаю / переписываю музыку, фильмы; играю в компьютерные игры онлайн”). Вместе с тем значительно возросла по сравнению с 2012 годом потребность в получении разнообразной новостной информации из разнообразных источников. А вот потребительская активность в сети и линейно-коммуникационная активность остались практически неизменными. Хотя нужно отметить, что тенденция к уменьшению пользования электронной почтой, наблюдавшаяся в последние годы, не изменилась и в 2014 году. Такой результат может быть связан с тем, что функции электронной почты сегодня активно заменяют такие интернет-ресурсы, как Скайп, социальные сети, чаты и т.п. Они обеспечивают неформальное и более оперативное взаимодействие пользователей, все чаще оставляя электронную почту только для формального, делового общения и разнообразных рассылок. Главной общей тенденцией реализации интернет-активности пользователей в 2014 году можно назвать рост потребности в получении новостной информации онлайн и уменьшение реализации рекреационно-развлекательной активности в сети.

Результаты анализа региональных особенностей продемонстрировали определенные отличия интернет-активности жителей “Донбасса” по сравнению с другими регионами страны. Жители “Донбасса” так же, как и жители других регионов страны, снизили интернет-активность, связанную с использованием сети для получения информации с целью повышения квалификации и обучения, а также познавательную-досуговую и развлекательно-игровую активность. При этом особенностью данного региона стало то, что эта активность уменьшилась в разы по сравнению с другими регионами. В то же время произошли сдвиги и в интернет-активности жителей “Донбасса”, которые в 2014 году обнаружили кардинальное отличие их от пользователей, проживавших в других регионах. Так, в отличие от жителей других регионов, интернет-пользователи “Донбасса” существенно сократили использование интернета для ознакомления с последними новостями и текущей информацией. Однако ощутимо возросла по сравнению с другими регионами их интернет-активность, связанная с возможностями общения в сети — как непосредственного, с применением специальных программ (Скайп, Сипнет и т.п.), так и опосредованного, через социальные сети, форумы, чаты и т.п.

Таким образом, можно утверждать, что, вне всякого сомнения, события на Востоке страны существенно влияют на разные аспекты нашей жизни. Об этом говорили мои уважаемые коллеги, это подтверждают и мои исследования.

¹ Подробнее см.: *Бойко Н.* Интернет-активність користувачів в умовах соціально-політичної деструкції // *Українське суспільство: моніторинг соціальних змін.* Вип. 1 (15). — К.: Інститут соціології НАНУ, 2014. — С. 163–172.